

История горного дела на Урале

«СПОНТАННЫЙ ПОТОК МАТЕРИИ»*

В. В. Филатов

В 1933 г. кафедру геофизики возглавил «достоинейший ученик и продолжатель уральской горно-геометрической школы» Петр Александрович Корольков. За четыре года до смерти, а она случилась первого мая 1975 г., он написал для некоего Ивана Ивановича подробный автобиографический очерк с претенциозным названием «Когда, как и почему у меня сменилось миропонимание», содержание которого позволило мне узнать не только о мировоззрении автора, но и получить ответы на более прозаичные вопросы: когда и где родился Петр Александрович и каким путем «случай – судьбы своеволье» привел его в геофизику.

Он родился 8 июля 1900 г. в старинном городке Васильсурске, или, как говорят до сих пор местные жители, в Василе, названном так в честь Великого Московского князя Василия III (1479–1533), основавшего его в 1523 г. в качестве опорного пункта для борьбы с казанским ханом Сагиб-Гиреем. Отсюда, из Василя, князь Василий III совершал военные походы на Казань, которые успешно закончил уже его сын Иван IV Грозный (1530–1584) покорением Казанского ханства в 1552 г.

Свою родину Петр Александрович очень любил. Да и как же ее не любить! Места живописнейшие. Высокий и крутой правый берег Волги при впадении в нее Суры. Полуостров. В Васильсурске, в котором сейчас живет чуть более тысячи жителей, можно попасть, только переплыв Волгу на пароме. «Вид с нагорной части города на Волгу и Суру, – вспоминал Корольков, – напоминает знаменитую картину Левитана «Над вечным покоем», если с... картины снять налёт символизма». Ничего не надо с нее снимать. Она и так великолепна. Исаак Ильич Левитан (1860–1900) написал ее под впечатлением о Васильсурске, в котором был в 1887 г. А до него эти места покорила Ивана Ивановича Шишкина (1832–1898), и волжский мыс, на котором он писал этюды, до сих пор называют Шишкиным. После Левитана и Шишкина здесь отдыхал А. М. Горький (1868–1936) и творил лиричнейший советский пейзажист Н. М. Ромадин (1903–1987), увековечивший на одной из картин село Хмелёвку, в церкви которой крестили младенца Петра. Сохранилась и длинная лестница к Волге. По ней он с мальчишками сломя голову сбегал к реке и по ней же, гонимые фантазией Ильфа и Петрова летели, преследуемые разъяренными васюковскими шахматистами, незабвенный авантюрист Остап Бендер и Киса Воробьянинов.

О родителях – отце Александре Михайловиче и матери Анне Васильевне – Корольков вспоминал скуповато. Были они людьми простыми и незатейливыми. Отец, кажется, не имел профессии, а мать была малограмотной. Оба одно время работали у врача уездной земской больницы: отец кучером, мать прислугой. Заботы о растущей семье заставляли отца часто менять места работы: то он работал санитаром в больнице, то лесником казенного лесничества, то рабочим на частной лесопилке некоего Рандича. На лесопилку отец перешел только для того, чтобы сын Петр мог учиться в начальной школе Васильсурска. В 1911 г. семья переехала в Уфимскую губернию, в село Иглино, где отец получил хорошо оплачиваемую должность на лесозаготовках у того же Рандича, а Петр закончил училище. Здесь в 1914 г. Александр Михайлович был мобилизован в армию, и мать с четырьмя детьми вернулась в Васильсурск. Но без Петра, который вынужден был рано стать самостоятельным, поступив для продолже-

ния образования в 1912 г. в Уфе в реальное училище, в котором он на протяжении всех лет учебы был в числе десяти лучших учеников.

Судьба была сурова к Королькову, но не столь трагически безжалостна, как к его однокурснику Богатыреву. Главной мотивацией в жизни для него всегда была учеба, постижение нового, открывание истин. Истина не сопрягается с лукавством. Поэтому Корольков был искренен и в своих откровениях, и в заблуждениях, которых было значительно больше и за которые его немилосердно били. Но он был боец бескомпромиссный, последовательный и смелый, не побоявшийся, пожалуй, ни костра, ни плахи.

Уфу, расположенную так же живописно, как и Васильсурск, на высоких холмах у слияния двух рек – Белой и Уфы, – он считал своей второй родиной. Здесь, говорил он, «прошла моя юность, было заложено начало моим знаниям и началась моя трудовая деятельность» и раз и навсегда сформировались социально-политические убеждения.

«С политической жизнью, – писал он в автобиографии, – мне довелось начать... знакомство... очень рано, примерно с 12 лет, в семье... Уточникова, в которой я проживал в качестве «нахлебника» с 1912 по 1916 год. Старший сын... семьи Виктор... был социал-демократом... У него я иногда читал газету «Правда», которая мне очень понравилась по сравнению с другими... простым языком и тем, что там писалось о бедняках... К этому времени у меня достаточно выросла неприязнь к высокомерным господам потому, что моему отцу приходилось... принижаться перед ними, что меня обижало, и потому, что мне приходилось видеть в реальном училище их заносчивых, самонадеянных и избалованных сынков, пренебрежительно относившихся к плебеям, вроде меня...

С самого начала 1917 года меня, как и многих моих знакомых, стали волновать политические события и я стал жадно читать... политическую литературу левого направления. Примерно с мая 1917 года мои симпатии стали полностью на стороне большевиков и с той поры я... не пропускал ни одной опубликованной речи, либо статьи Ленина.

Октябрьскую революцию я встретил с нескрываемым сочувствием, за что приобрел в училище кличку «большевик»... Весной 1918 года я вступил в Социалистический союз молодежи и тогда же едва не погиб от разъяренной толпы антисоветски настроенных религиозных фанатиков, когда выступая на одном из митингов, сказал, что декрет о свободе вероисповедания «выводит Россию... на уровень наиболее культурных и свободных государств мира... Поэтому декрет надо не осуждать, а приветствовать». Звериный рев толпы: «Бей его!!!» он запомнил на всю жизнь. Спасли его от расправы присутствовавшие на митинге матросы-большевики.

Политические события, происходившие в Уфе в 1918–1919 годах, окончательно определили выбор Королькова: «За это время я насмотрелся и в досталь, какова контрреволюция. Поэтому нет ничего удивительного, что я... 12 марта 1919 года присоединился к многочисленной массе рабочих, оставивших Уфу накануне её сдачи колчаковцам, чтобы вступить в ряды Красной Армии».

Война пощадила Королькова: он не был ни контужен, ни ранен, ни пленен; воевал на Восточном фронте в Уфимском и Кур-

* Продолжаем цикл статей В. В. Филатова. См.: История геофизических исследований на Урале в XVIII-начале XX в. (№ 2 (42), 2016), П. К. Соболевский — основоположник Уральской геофизической школы (№ 4 (44), 2016), Геофизические исследования на Урале в 20–30-е годы XX века (№ 1 (45), 2017) и Они были первые, или дороги, которые нас выбирают (№ 2 (46), 2017).

ском полках, учился на военно-хозяйственных курсах в Саратове и закончил службу в 48-м Отдельном батальоне ВЧК, откуда «выбыл 7 сентября 1921 г., так как был принят, выдержав вступительные экзамены, на геологоразведочный факультет Уральского государственного университета».

Что определило выбор высшего учебного заведения и будущей специальности, неизвестно. Петр Александрович об этом умолчал. Учился он долго и трудно, как и большинство в те годы: родители ничем помочь ему не могли, стипендия – кошкины слезы; приходилось много работать, в частности, руководить организованным им же духовым оркестром Уральского политехнического института. В конце 1925 г. он женился на студентке-медицине Вале Шаровой, ставшей почти на четверть века его ангелом-хранителем. Через год у них родилась дочь Нина. Жизненные трудности усугубились. Немногие могли выдержать такое. Из сорока человек, поступивших вместе с Корольковым в университет, окончили его только восемь человек.

Судьбоносной для Королькова стала встреча с Соболевским. «Соболевский очаровал меня настолько, – вспоминал Петр Александрович, – что я стал искать сближения с ним ещё, будучи студентом, что мне и удалось. Начиная с 1927 г. я стал работать у него сначала лаборантом, а затем руководителем практических занятий... по магнитометрии».

«Очарование» было обоюдным. Рекомендую Королькова в аспирантуру, Соболевский так характеризовал своего одаренного ученика: «Все работы... Корольков исполнял не шаблонно, всегда весьма осмысленно и деловито..., во всякой работе... Королькова видно сознание принятой им на себя моральной ответственности за исполняемое дело... Корольков при этом обнаружил и... педагогические способности – излагает свои мысли структурно, достаточно сжато... В лице... Королькова (кафедра. – В. Ф.)... сейчас уже имеет весьма ценного работника и его необходимо сохранить... в качестве аспиранта... Не безынтересно положение вопроса с иностранными языками... Корольков весьма порядочно знает немецкий язык и ныне усиленно работает над английским... и достиг... хороших результатов, находя возможным самостоятельно переводить иностранную специальную литературу».

Поступив в аспирантуру 11 марта 1931 г. вместе с Богатыревым, Корольков закончил ее 14 сентября 1933 г., представив диссертацию работу, посвященную разрешению проблемы генезиса Алапаевского железорудного месторождения. Соболевский охарактеризовал ее как выдающееся исследование. Высоко оценили диссертацию академики А. Е. Ферсман (1883–1945) и А. Д. Архангельский (1879–1940).

В письме Соболевскому Александр Евгеньевич написал, что считает диссертацию Королькова «очень интересной и желательнее скорее её напечатать. Выводы (автора. – В. Ф.) весьма вероятны и, думаю, что единственное объяснение генезиса (месторождения. – В. Ф.) заключается в развиваемой автором идее гипергенного латеритово-прибрежного изменения подстилающих пород и накопления руд. Геофизический анализ при всей скудности данных, по-видимому, приводит к тому же выводу. Надо приветствовать появление таких основательных... работ».

Академик Архангельский прислал Королькову дружеское письмо: «Уважаемый Петр Александрович, – писал он, – меня очень заинтересовали Ваши предложения относительно способа образования Алапаевских руд... Мне хотелось бы ознакомиться с этим делом подробнее и я готов, если бы это было в моих силах, помочь в разработке всего вопроса. Если Вам придется быть в Москве, я буду рад увидеться с Вами и побеседовать подробно».

Это был несомненный успех. Диссертация Королькова была первой в истории уральской геофизики, и вопреки поговорке о том, что первый блин всегда выходит комом, оказалась незаурядной работой. Не комом, а румяным пирогом.

Великолепное начало! Да, несомненно. Но ожидаемого блестящего и плодотворного продолжения научных исследований после этого не последовало. «К изумлению моих друзей и знакомых, – вспоминал Корольков, – я изменил своему начальному намерению посвятить себя полностью успешно начатой научно-педагогической работе в институте». Почему? «Уже в 1934 году (точнее 20 июня. – В. Ф.) геологи отстранили меня от заведывания кафедрой геофизики потому, что я продолжал следовать Соболевскому в программных вопросах обучения студентов-геофизиков. Со середины 1934 года я поступил на работу по совместительству в Уральское геологическое управление в качестве секретаря районной комиссии по запасам (продолжая до середины декабря работать на кафедре геофизики в должности заведующего лабораторией магнитометрии, читая лекции и проводя практические занятия. – В. Ф.). С 15 января 1935 года, будучи уволенным из института «по собственному желанию», я стал работником Уралгеоуправления... а с 1.1–1938 г. – в должности начальника геолфонда, в которой проработал до 10.3–70 г.».

Чем он занимался вторую половину жизни? На этот вопрос ответила его жена, когда он ей сообщил, что в геологическом управлении ему будут платить вдвое меньше, чем в институте: «Работай там, где целесообразно для продолжения твоего самообразования, – сказала она, – и для подготовки к возобновлению научно-педагогической деятельности. Себя и дочь я прокормлю, а твой заработок лишь бы не был ниже минимально необходимого на питание тебе».

И он стал заниматься самообразованием. Каков результат этой упорной многолетней работы? Лучше всего об этом сказал он сам: «С 1950-го года, т. е. года выступления Сталина по вопросам языкознания, стала возможной открытая дискуссия по вопросам естествознания и я стал выступать, насколько позволяли обстоятельства, в прениях, с докладами, лекциями, беседами и т. п. на конференциях, совещаниях, курсах, кружках и т. п.,... с пропагандой понимания процессов в недрах Земли с позиций понимания мира, как спонтанного потока материи..., критикуя геологию... При этой пропаганде я нередко встречаю яростное сопротивление... До ныне (т. е. до 1971 г. – В. Ф.), к сожалению, у меня не опубликована суть моей пропаганды потому, что «сезонные» негеологические издательства отсылают меня к геологическим, а последние говорят мне: «Неуч, падежов не знаешь, а лезешь в науку!»».

Редакторы журналов, издательства и коллеги-геологи были правы, относясь отрицательно к его трудам, читая в них, что неевклидова геометрия, теория относительности, квантовая механика и кибернетика – это «непостижимо путаная белиберда», контрреволюция, а не революция в науке. При таких «перлах» даже все ценное и разумное, что предлагал Корольков для развития геологической науки, тоже вызывало неприятие и отторжение. Поэтому в суть его работ никто не хотел вникать.

Спустя пять лет после его смерти одна из сотрудниц геологического управления, ставшая при нем весталкой после смерти жены в 1949 г., депонировала в 1980 г. его главный труд «Мир – спонтанный поток материи», частицей которого считал себя и Корольков – непонятый и непризнанный современниками в значительной мере из-за своего ортодоксального менталитета и гипертрофированно-амбициозного самомнения о том, что он один владеет абсолютной истиной, и Творец всего сущего наказал гордеца.

Владимир Викторович Филатов,

filatov47@bk.ru

Владимирский государственный университет
Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87